

ГОСТИ СТОЛИЦЫ

ПО ПРИГЛАШЕНИЮ Таджикского отделения Всесоюзного бюро пропаганды киноискусства гостем кинозрителей республики стала в эти дни народная артистка СССР, лауреат Государственной премии и премии Ленинского комсомола актриса Центрального академического театра Советской Армии Л. Касаткина.

На встрече в столичном Доме офицеров из зала ей подали записку: «Пожалуйста, не расстраивайтесь так». Некоторые женщины прикладывали платочки к глазам: Людмила Ивановна вела рассказ о творчестве, о себе душевно открыто, с той эмоциональной самоотдачей, которая нечасто встречается в

подобных случаях. На сцене была не комедийная героиня «Укротительницы тигров» или «Укрощения строптивой», а женщина, волнующе памятная по «Матери Марии», «Помни имя свое», «Вызываем огонь на себя».

«Но ведь мой рассказ — не печаль, а грусть, — сказала актриса. — А грусть,

ОТ ГРУСТИ—К ЛЮБВИ

вспомним романс Булата Окуджавы, соседствует с любовью. С любовью к вам, пришедшим на встречу со мной, с любовью к делу, которое я выбрала и которому служу».

Творческий путь Касаткиной предстал перед нами своего рода цепью эмоциональных взрывов. К примеру, раз и навсегда актриса выбрала театр Советской Армии потому, что ее потряс действительно классический спектакль «Сталинградцы» по пьесе Ю. Чепурина в постановке Алексея Попова. А в лучших ее ролях воплотилась попытка сыграть боль, жизнь сценического и экранного персонажа как свою, узнать о нем все и донести это глубинное, судьбинное знание до зрителей.

В кино ею создано двадцать образов. Всего двадцать. Всего — ведь столько ролей, скажем для сравнения, успела сыграть еще несколько лет назад хорошему нам знакомая молодая артистка Елена Цыплакова. Там — пунтир, а роли Касаткиной — след в ее душе, в ее памяти, частица ее самой. Так она и сказала на вечеру: «Я хочу быть с вами сама собой». Что и было на самом деле.

Было, понялось и то, что каждый творческий миг актрисы самоценен и неизведен, каждый миг равно вмещает в себя артистическую импровизацию и человеческую искренность. «В моей профессии не существует опыта. Каждый раз, чтобы итог получился по-настоящему, надо начинать с нуля, заново, как будто ты впервые на сцене или перед камерой. Иначе — шаблон, голая мастеровитость».

Теперь у Людмилы Ивановны подобное ощущение связано с интереснейшим образом Кручининой из «Без вины виноватых» А. Н. Островского. Время сомнений, раздумий, репетиций до седьмого пота. Все, что есть в тебе, — на планшетах сцены, как козыри на стол.

С другой стороны, драматические и даже трагедийные роли Касаткиной отнюдь не говорят о суженности ее профессиональных диапазонов и наблюдательности. Какие острые, переломывающие душу персонажи и вместе с тем отталкивающие для нас переживания смогла она показать в контрреволюционерке Марии Захарченко («Операция «Трест»). А чтобы перевоплотиться в чеховскую Дупечку, понять ей, Касатки-

ной, однолюбивой по своей натуре, столь любвеобильный женский характер актриса (и это стало лишь небольшим фрагментом подготовки к роли) провела четыре вечера с одной из современных Душек. Каждый вечер был посвящен какой-то одной — и обязательно сильной, захватывающей — любви «интервью-руемой».

«Когда человек переживает собственную боль, она действует на него разрушающе. Когда же он видит боль, драму, трагедию на сцене или экране, такая боль действует на него просветляюще. Сопереживая, он и свою боль как бы выносит из себя». Эти слова Людмилы Касаткиной лишней раз подтвердили, что ее творческие вечера имеют значение «возвращения на круги своя». После разных киносценических безотказно развлекательных шоу, после голой мастеровитости вновь перед нами — просветление, очищение. Понятия, неотделимые от высокого, подлинного, волнующего и актера, и зрителя искусства.

К. КЛОТКИН

НА СНИМКЕ: Л. КАСАТКИНА в фильме «Мать Мария».